

*А.В. Бабанов*

## Творчество Льва Шестова как философская этика

*Бабанов Алексей Вячеславович* – аспирант. Институт философии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: babanovaleksey@gmail.com

Статья представляет собой попытку интерпретировать мысль Льва Шестова как философскую этику. Цель статьи наглядно показать, что сверхморальная перспектива и идея морального субъекта составляют теоретическое ядро философии Шестова. Отталкиваясь от определения философской этики, данной А.А. Гусейновым, автор выявляет двухуровневую структуру этико-философской мысли Льва Шестова. Эта двухуровневая структура представляет собой различие веры как сверхморальной перспективы и морального разума. Сверхморальная перспектива и сама мораль не могут быть поняты вне этого различения. Мораль является объектом критики Шестова: в его философии она выступает коррелятом принуждающего разума, воплотившегося в нормах и законах. Преодолеть принуждение морали и разума может вера – второе измерение мышления и сфера свободы. В статье анализируются такие важные для творчества Шестова темы, как проблема подмены Бога добром и его понимание человека. В рамках первой темы мораль интерпретируется и отвергается как идол, занимающий в сознании людей место живого Бога. Понимание Шестовым человека осмыслено через встречающихся в его работах героев: подпольного человека, Иова и Авраама. Эти важные персонажи философствования Шестова воплощают нерациональную внутреннюю сущность человеческого Я, которое может в вере отбросить свой разум. Вера или сверхморальная перспектива философии Шестова содержит идею морального субъекта: верующий человек становится подобным Богу, полагает мир своим и имеет власть отменить однажды бывшее зло. Вера может быть понята как парадоксальный «экстатически-личностный» поступок, т. е. одновременно личный и превышающий любые личные усилия. Наличие сверхморальной перспективы и идеи морального субъекта в философии Шестова позволяет охарактеризовать его творчество как философскую этику.

**Ключевые слова:** философия, мораль, сверхморальная перспектива, двухуровневая структура, моральный субъект, философская этика, разум, вера, Бог

Льва Шестова называли философствующим писателем, публицистом, экзистенциалистом, даже антифилософом<sup>1</sup>. Его творчество сложно отнести к какой-либо философской школе или направлению. Шестов является сугубо

<sup>1</sup> Ахутин А.В. О втором измерении мышления. Лев Шестов и философия // Ахутин А.В. Тяжба о бытии. М., 1996. С. 272.

«частным мыслителем», стиль работ которого художественно самобытен, а мысль непроста для понимания. Он писал великолепным, насыщенным образами слогом, используя собственные интерпретации библейских сюжетов, широко цитируя классиков философии и литературы. Его суждения, как правило, не прямые – Шестов пользовался для передачи своей мысли цитатами великих, порою вырывая их высказывания из первоначального контекста, его аргументация софистична – зачастую не выдерживает проверки логической непротиворечивостью. Тем не менее общая направленность мысли видна во всех его работах, и в этом Шестов последователен. Уже в ранних, первых философских трудах («Добро в учении гр. Толстого и Ницше») и до конца его творческой жизни, в зрелых работах (о Кьеркегоре, «Афины и Иерусалим») прослеживается единая линия авторской мысли, состоящая в проведении непреодолимой границы между добром и жизнью, разумом и верой, «Афинами» и «Иерусалимом». В творчестве Льва Шестова мы находим образец своеобразного мышления, ставящего острые и всегда своевременные вопросы о человеческой свободе, предназначении, отношении с трансцендентным.

В названии статьи «Творчество Льва Шестова как философская этика» содержится утверждение, что помимо осмысления его творчества как религиозной философии, экзистенциализма, фидеизма и т. п. существует возможность понять его (в целом) как философскую этику. Конечно, уникальность творческой мысли Шестова никак не хочет «даваться в руки», и для нас является вопросом, насколько такое понимание продуктивно. Важно показать, что для него есть основания.

Этикой философию Шестова уже называли. Например, В.Н. Назаров пишет об «экзистенциальной этике веры» Л. Шестова<sup>2</sup>. Но такое определение философии Шестова, по-видимому, является односторонним: говорить об «экзистенциальной этике веры» – все равно, что видеть в философии Ницше исключительно этику сверхчеловека, а в философии Аристотеля – исключительно этику созерцательного блаженства, что, конечно, верно характеризует их учения, но неполно. Ведь в случае Ницше не менее, а скорее даже более важное значение, чем представления о сверхчеловеке, имеет проведенная им критика морали, разоблачение ресентимента морального сознания, а у Аристотеля – анализ добродетелей гражданина полиса.

Что же имеется в виду, когда мысль Шестова понимается как пример философской этики? А.А. Гусейнов в статье «Философия как этический проект» выделяет две основные характеристики философской этики, отличающие ее от других форм познания морали. Этика – это такое осмысление морали, когда мораль рассматривается а) в «сверхморальной перспективе» и б) как «выражение субъектности индивида по отношению к миру»<sup>3</sup>. Опираясь на такое понимание философской этики, попытаемся обосновать утверждение, что философия Льва Шестова с некоторыми существенными оговорками, вызванными содержательными особенностями ее идей, отвечает двум названным характеристикам и может рассматриваться именно как философская этика.

<sup>2</sup> Назаров В.Н. История русской этики. М., 2006. С. 146.

<sup>3</sup> Гусейнов А.А. Философия как этический проект // *Вопр. философии*. 2014. № 5. С. 16–27.

Сущность сверхморальной перспективы в этике, согласно Гусейнову, состоит в следующем: «в ней противостояние добра злу доводится до полного торжества добра, стремление к совершенству – до обретения совершенного состояния. Она обнаруживается в двухуровневой структуре, которая может существовать в разных вариантах философской этики и быть развернута с разной степенью полноты, но она всегда в ней принципиально присутствует»<sup>4</sup>.

Два наиболее ярких примера наличия в философской этике двух ценностно-различных уровней – этические теории Аристотеля и Ницше.

Как известно, в этике Аристотеля существует два вида счастья, две эвдемонии: первая, созерцательный образ жизни, и вторая – деятельный образ жизни достойного гражданина полиса. Деление на два вида добродетелей в этике Аристотеля, на добродетели разума (дианоэтические) и добродетели характера (этические) обусловлено представлением об иерархическом устройстве души человека, высшим и руководящим началом в которой является разум. Этические добродетели – это взращенные посредством разума привычки, навыки поведения, или по-другому – устои души. Такие добродетели, как щедрость, мужество, умеренность являются целью человека как деятельного существа. Но как существо, наделенное разумом, началом божественным, человек призван также реализовать способности своего ума, высшим проявлением которого будет созерцание истины, неизменного космического порядка, делающее душу простой, цельной как у бога. Первая эвдемония имеет сверхчеловеческую природу: «Подобная жизнь будет, пожалуй, выше той, что соответствует человеку, ибо так он будет жить не в силу того, что он человек, а потому, что в нем присутствует нечто божественное, и, насколько отличается эта божественная часть от человека как составленного из разных частей, настолько отличается и деятельность, с ней связанная, от деятельности, связанной с другой добродетелью»<sup>5</sup>.

Помимо Аристотеля сверхморальную перспективу можно найти в учениях стоиков, Платона, в неоплатонизме и у Эпикура<sup>6</sup>. В той или иной степени все античные философы наделяли высшим рангом ум и соответственно превозносили созерцательный образ жизни, совершенство которого восполняло ограничения, присущие собственно этической сфере свободного человеческого действия. Идеал созерцательного образа жизни, или сверхморальная перспектива, античной этики продолжает логику морали, или деятельного образа жизни в реализации первоначального замысла философии как стремления человека к совершенству<sup>7</sup>, к бессмертию, поэтому развитие представлений о такой перспективе было необходимым для последовательной философской мысли.

Ницше знаменует новый, особый этап в развитии этики: его этика это не просто осмысление морали в действительности ее существования, а критика исторически сложившейся в Европе морали, понимаемой философом как выражение лживого и лицемерного сознания раба, одержавшего в истории победу над «моралью господ». Таковую победившую мораль нужно преодолеть,

<sup>4</sup> Гусейнов А.А. Философия как этический проект. С. 20.

<sup>5</sup> Аристотель. Этика // Аристотель / Пер. Н.В. Брагинской, Т.А. Миллер. М., 2011. С. 269.

<sup>6</sup> Гусейнов А.А. Философия как этический проект. С. 22.

<sup>7</sup> «Этика интересовала философию как её собственная практика, как путь, через который она реализует свой замысел разумно устроенной совершенной жизни» (Гусейнов А.А. Философия как этический проект. С. 18).

она недостойна существования. В этой задаче – преодолении морали – мысль Шестова сходится с мыслью Ницше, хотя имеет свое своеобразие в вопросе о способах этого преодоления и его мотивах. «В случае Ницше переход на сверхчеловеческий, сверхморальный уровень является уже не продолжением и завершением логики морали, как это было во всей предшествующей философии, а, напротив, результатом отказа от неё»<sup>8</sup>. В какой-то мере верными эти слова будут и по отношению к Шестову.

Ницше создает образ сверхчеловека, который находится «по ту сторону добра и зла». Так же по ту сторону добра и зла ищет Бога и Лев Шестов. Но между ницшевским сверхчеловеком и шестовским Богом есть существенное различие: первый есть греза, надежда будущего, идея человека как «святого творца», в некоторой степени воплощенная в художественном образе Заратустры, а Бог Шестова не является надеждой мыслителя или идеей нового человека, свободного от ресентимента. Несмотря на то, что шестовский Бог выражает собой принцип бесконечности возможностей или полноты бытия («для Бога нет ничего невозможного»), соотносимый с идеей свободы как абсолютного творческого произвола, Шестов всегда имеет в виду живого Бога, непостижимого и единственного, как и сам человек. Как считает Шестов, образ сверхчеловека и связанное с ним «падение» до уровня моральной проповеди в «Так говорил Заратустра» и некоторых других работах – это результаты неудачной попытки немецкого мыслителя найти живого Бога<sup>9</sup>.

Двухуровневая структура этической мысли Шестова задается различием веры и разума, двух предельных сфер бытия человека, существование которых антагонистично и взаимоисключающе. Между ними лежит пропасть вражды. Однако эта вражда свидетельствует о взаимозависимости между этими двумя измерениями мысли. Если вера – это «второе измерение мышления»<sup>10</sup>, область свободы и общения с Богом, в которой человек поступает, уже не руководясь нормами морали и не принимая разумного решения о поступке, то само понимание этого сверхморального измерения бытия человека обусловлено «первым измерением мышления», которому вера противостоит. А.В. Ахутин по поводу этой логической взаимозависимости веры и разума пишет: «Не в том ли, говорю я, разгадка этой странной дружбы-вражды, что лишь в двумерном пространстве спора, борьбы с Разумом “слезы и смех”, “крики и громы”, “каторга”, “отчаяние”, существование без “покровительства законов”, – все это обретает философский смысл. Иными словами, открывается в своей паразитической бытийной неустрашимости: в той же необходимости и всеобщности, которой обладают “принудительные истины”»<sup>11</sup>.

В силу этой взаимозависимости понимание сверхморальной перспективы, которую задает философия Шестова, невозможно без осмысления и отрицаемого морального уровня.

В работах Шестова, отличающихся высоким художественным стилем, не прямой передачей смысла, многие центральные слова-термины предполагают интуитивное понимание и часто приобретают новое, авторское содержание.

<sup>8</sup> Гусейнов А.А. Философия как этический проект. С. 21.

<sup>9</sup> История этических учений / Под общ. ред. А.А. Гусейнова. М., 2003. С. 844.

<sup>10</sup> Шестов Л. О втором измерении мышления (Борьба и умозрение) // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 609.

<sup>11</sup> Ахутин А.В. Тяжба о бытии. М., 1996. С. 278.

Это определяет особую сложность и теоретическое значение рассмотрения того, какие смыслы он вкладывает в слово мораль и схожие для него термины: этическое, этика, мораль, познание добра и зла.

Начнем с того, что Шестов нещадно критикует мораль, понимаемую им как совокупность общественных и личных норм, принципов жизни, т. е. как один из способов регуляции поведения. Например, он употребляет как релевантное «морали», правда, имеющее более широкое значение слово «всемство», пользуясь словарем героя «Записок из подполья» Достоевского. «Всемство» означает безличную власть принятых норм и истин, способов оценивать жизнь. Даже совесть может быть «от всемства», когда в человеке живет этот безличный судья – «все» («они», «люди», принятые оценки), и «судит его, возмущается его уродством»<sup>12</sup>. Это представление Шестова о власти над человеком безличных норм, общезначимых истин, выраженное в термине «всемство», на первый взгляд, схоже с экзистенциалом человеческого бытия «Das Man» в философии Мартина Хайдеггера. Но «всемство», вероятно, нужно понимать более широко (и, конечно, не как экзистенциал) – это не только то, что принято в обществе, большинством людей и определяет их поступки и отношение к чему-либо, но и то, что признается всеми мыслящими людьми, в первую очередь, философами за универсальные истины или законы мышления, например, фундаментальный закон противоречия. Сходство с экзистенциалом «Das Man» видится в том, что в обоих случаях речь идет о неподлинном бытии человека.

Библейским мифом о грехопадении Шестов объясняет очевидную невозможность, бессилие людей преодолеть законы природы, открываемые и диктуемые разумом. Этот миф является также средством интерпретировать происхождение познания и морали. Дерево познания добра и зла есть дерево смерти, которое противостоит древу жизни, и только потому, что люди «вкусили» с него, в мир вошло зло, закон, норма (это почти синонимы), появились преступление и преступники.

Пользуясь образом древа познания добра и зла, Шестов сближает разум и мораль. В какой-то степени верным будет утверждение, что мораль – это все тот же познающий (добро и зло) разум и, одновременно, разум упорядочивающий, ставящий жесткие границы человеческой реальности. С этой точки зрения разум проявляется в трех основных формах: законы природы, законы и нормы общественной жизни и внутренний моральный закон. В случае внутреннего морального закона речь идет о самом тонком виде господства идеи необходимости (как квинтэссенции разума) над человеком – «императивах» его совести, внутреннего долга<sup>13</sup>.

Критика морали как формы социального принуждения, переходящего в самопринуждение, вызвана неприятием Шестовым какой-либо власти над отдельным человеком. Все зло в мире не от хаоса, а от космоса – говорит Шестов<sup>14</sup>. Хаос – это безграничные возможности, а космос – принуждающий к покорности порядок, где над человеком властвует Ананке (необходимость).

<sup>12</sup> Шестов Л. Преодоление самоочевидностей (К столетию рождения Ф.М. Достоевского) // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 56.

<sup>13</sup> Шестов Л. В фаларийском быке (Знание и свобода воли) // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 1. С. 413.

<sup>14</sup> Шестов Л. Дерзновения и покорности // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 233.

Мыслитель, отрицающий ценность идеи порядка, не мог принять и мораль, которую связывал, в первую очередь, с нормами, упорядочивающими человеческое поведение.

Антинормативизм философско-этической мысли Шестова вызван не в последнюю очередь влиянием философии Ницше. Так, тема власти является одной из центральных для позднего Ницше, как и для Шестова. В этом контексте мораль и разум в философии Шестова играют роль «субъектов» власти, которым подчинен падший индивид. Очередная интерпретация морали, или «этического разума»<sup>15</sup>, состоит в том, что этот разум есть господство над изначально свободным человеком чуждой ему силы. Моральная норма или закон – это выражение такой силы, подчинившей себе человека. Эта темная сила есть безусловное зло – ничто, не имеющее бытия и тем сильнее захватившее человека. Такое зло выглядит чем-то демоническим, когда о нем говорится как о враждебной силе, «умном духе», который еще в раю в виде змея соблазнил человека<sup>16</sup>.

Одна из важнейших для понимания шестовской критики этического разума проблем – это часто затрагиваемая в его работах идея подмены Бога добром, или неправомерности отождествления Бога и добра. Проблема, осмысленная еще до Шестова, например, в школе «ученого незнания», к представителям которой можно отнести и самого Шестова<sup>17</sup>.

Толстовское изречение «Бог есть добро» и эпохальный вердикт Ницше «Бог – умер», согласно уже «раннему» Шестову – «выражения однозначные»<sup>18</sup>. Несмотря на представление о «свободе к добру», обнаруживаемое, например, в предисловии к книге «Афины и Иерусалим»<sup>19</sup>, Шестов склонен в большинстве текстов полагать добро тем, что противостоит жизни. В чем же дело, почему Шестов не хочет признать, что Бог добр?

Идеал добра в той мере, в какой он идеал, является универсальным, значимым для всех людей. Шестов, напротив, отстаивает уникальность истины, ее несообщаемость и необобщаемость в понятии или общезначимом идеале. «Ведь идола можно сделать не только из дерева, но и из идеи, – писал Шестов Бердяеву в марте 1924 г. – “Единство” истины – один из таких идолов. Кажется, и говорят так все, что “единство” положит конец “вражде” и начнет эру “любви”, на самом деле, наоборот: ничто не приносит миру столько вражды, и самой ожесточенной, сколько идея единства»<sup>20</sup>. В этом отношении с Шестовым нельзя не согласиться: достаточно вспомнить тоталитарные режимы середины двадцатого века, основанные на универсальном наборе истинных идей – т. н. идеологии, единой для всех.

<sup>15</sup> «По Шестову, этическое родилось вместе с разумом; понятия “разум” и “этика” синонимичны» (Назаров В.Н. История русской этики. С. 147).

<sup>16</sup> Шестов Л. Примечания и комментарии // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 408.

<sup>17</sup> В частности, так характеризует его мысль А.В. Ахутин: «Философствование Шестова вполне может быть отнесено к школе “ученого незнания”. Перед нами оригинальный опыт конкретного апофатизма, попытка положить непостижимое в основание постижений, суждений, отношений, – в основание изначальной ориентации человека в мире» (Шестов Л. На весах Иова (Странствия по душам) // Шестов Л. Соч.: в 2 т. С. 410).

<sup>18</sup> Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (философия и проповедь) // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М., 2000. С. 257.

<sup>19</sup> Шестов Л. Афины и Иерусалим // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 1. С. 334.

<sup>20</sup> Ахутин А. В. Одинокий мыслитель // Там же. С. 14.

Льву Шестову принадлежит следующее замечательное высказывание: «Великие древние мудрецы оставили нам завет: про Бога нельзя сказать, что он существует. Ибо сказавший: “Бог существует” – теряет Бога»<sup>21</sup>. Бог не предмет утвердительной речи, ведь он не мыслим. Называть его добром – значит творить в уме идола вместо Бога.

Очевидно, шестовскую критику разума и морали можно осмыслить как своего рода борьбу с идолопоклонством. Мораль, опора и надежда на «дела», добродетель и доброго (определенного) Бога понимаются Шестовым как идола, подменяющие живого Бога. Ведь «живой» и значит неопределенный, непостоянный, не равный себе. Подлинное человеческое Я – такое же нерациональное, изменчивое и непредсказуемое, как Бог (по образу и подобию его). Бога нельзя и не нужно познать, т. е., по Шестову, обобщить, сделать всем понятным. Для человека есть большой, почти неодолимый соблазн поддаться страху перед живым Богом (т. е. неопределенным, непостижимым) и поставить на его место идею, создав идола<sup>22</sup>. Очевидности здравого смысла, нравственно-го сознания, истины разума и есть идола, с которыми борется Шестов.

Предназначение человека как средоточия жизни, истины, тайны и всего самого удивительного, ужасного и прекрасного заключается в том, чтобы сознать себя таким, поверить в себя, в свое избранничество: «Как Ницше и Плотин, Достоевский, когда ему открылось, что он *praestantioris sortis* (высшего удела), перестал “верить”, что над живым существом может владычествовать неживая истина»<sup>23</sup>.

Такая вера в высший удел, в свою свободу, требует неимоверной смелости (и, возможно, чего-то еще). Уже в представлении «о высшем уделе» мы близко подходим к пониманию того, что Шестов называл «верой» или вторым измерением мышления.

Что же такое «вера» Шестова? Если все-таки попытаться дать краткое определение веры, основываясь в первую очередь на самых последних работах Шестова (например, «Афины и Иерусалим»), то вера выступает здесь как высшая творческая активность и свобода повелевать, творить свой мир, это совершенное состояние индивида, осуществленная свобода. Шестов вдохновенно пишет о вере как осуществленной «свободе к добру»: «“Факт”, “данное”, “действительность” не господствуют над нами, не определяют нашей судьбы ни в настоящем, ни в будущем, ни в прошлом. Бывшее становится небывшим, человек возвращается к состоянию невинности и той божественной свободе, свободе к добру, пред которой меркнет и гаснет наша свобода выбора между добром и злом или, точнее, пред которой наша свобода обнаруживается как жалкое и позорное рабство»<sup>24</sup>. Тем не менее вера предполагает всю полноту ответственности за мир. Ведь вера-свобода, в отличие от

<sup>21</sup> Шестов Л. Преодоление самоочевидностей (К столетию рождения Ф.М. Достоевского) // Там же. С. 93.

<sup>22</sup> А.В. Ахутин пишет: «Начало такой премудрости (т. е. веры) – страх Божий, которому противопоставляет инстинктивный страх перед этим страхом, жажда обрести, пусть ценою любых жертвоприношений, надежного, определенного, обоснованного Бога, обеспечивающего всеобщее благоустройство; инстинкт идолотворчества» (Шестов Л. На весах Иова (Странствия по душам) // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 408).

<sup>23</sup> Шестов Л. Неистовые речи (об экстазах Плотина) // Там же. С. 398.

<sup>24</sup> Шестов Л. Афины и Иерусалим // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 1. С. 333–334.

свободы разума и добродетели, это не просто власть смиряться со злом, с теми ужасами и катастрофами жизни, что не во власти человека, а возможность полностью искоренять зло из мира. Вероятно, поэтому такую свободу Шестов называет «свободой к добру».

В статье «Что такое истина? (об этике и онтологии)»<sup>25</sup> Шестов отождествляет мораль со сферой разумно-ответственной, свободной деятельности. Мораль связывалась еще Аристотелем с областью свободного человеческого усилия, деятельным образом жизни. Именно от такого понимания морали как деятельного образа жизни отходит Шестов и «делает ставку» на особые глаза, видение чего-то необычайного – «вдруг» и беспричинно открывающуюся истину. Сама используемая в его текстах терминология говорит нам о той запредельной действую и взвешенному решению активности человека, когда он внешне никак не активен: речь идет о новом взгляде на жизнь, взгляде, преображающем смотрящего.

Итак, вера – это особое измерение мышления, новый взгляд, изменяющий человека. Заметим, что вера – это личное откровение и поэтому всегда только «для меня» значимое. Уникальность истин веры, одиночество верующего, говорит о том, что вера – то, с чем нельзя «пойти к людям», она бесполезна для деятельности. Возможно, это обстоятельство сподвигло Бердяева назвать человека в философии Шестова пассивным: «Шестов проповедует пассивность человека. Человек для него греховен, но не виновен, поэтому безответствен, поэтому и пассивен. Активен лишь Бог, но Бог ничем себя не обнаруживает в мире»<sup>26</sup>. Но что означает активность или пассивность человека? Эти понятия неоднозначны. Человек, этот «дерзновенный нечестивец», способен, верит Шестов, на невероятную внутреннюю активность – в безысходном отчаянии отбросить свой разум и отдаться безумной вере в невозможное. В то же время верно, что такой человек пассивен внешне, т. е. как гражданин общества и деятель. Говоря об активности или пассивности человека в философии Шестова, нужно учитывать это различие внутреннего и внешнего человека и, соответственно, внутренней и внешней активности.

Если провести сравнение с Аристотелем, вера ближе его дианоэтическим добродетелям, созерцанию. По содержанию вера, конечно, нечто иное чем блаженное созерцание Аристотеля, но занимает в структуре мысли Шестова то же высшее место. Отличие от теории Аристотеля с формальной стороны (т. е. со стороны строения теории) в том, что Шестов не восходит последовательно от моральных добродетелей к вере, а пытается исходить «из нее», видя мораль глазами веры как нечто чуждое и даже излишнее<sup>27</sup>.

Здесь может возникнуть закономерный вопрос: если разум, мораль, представления о благом Боге не нужны для веры, то почему же Шестов делает их объектами своей критики из книги в книгу, зачем он снова и снова ниспровергает метафизический разум и мораль? Разве с точки зрения веры мораль и разум имеют хоть какое-то значение?

<sup>25</sup> Шестов Л. Что такое истина? (об этике и онтологии) // Там же. Т. 2. С. 365–405.

<sup>26</sup> Бердяев Н.А. Лев Шестов и Киркегор // VEHI.NET. URL: [http://www.vehi.net/berdyayev/shestov2.html#\\_ftn1](http://www.vehi.net/berdyayev/shestov2.html#_ftn1) (дата обращения: 20.04.2015).

<sup>27</sup> Шестов Л. Преодоление самоочевидностей (К столетию рождения Ф.М. Достоевского). С. 94–95.



Попытаемся ответить на эти вопросы. Во-первых, как уже было сказано выше, мы имеем дело с двухуровневой структурой философской мысли, внутри которой эти два уровня понимаются как предельные друг другу. Каждый раз, пытаясь целостно осмыслить мораль, или метафизический разум, Шестов задает их предельное понимание, за горизонтом которого открывается перспектива «новой жизни», иного, лучшего бытия. Имеется в виду, что само откровение иного бытия или вера не было бы понято как запредельное уму откровение, если бы не соотносилось в мысли с тем, что уже осмыслено как мораль, разум. Поэтому Шестов и занят тем, что постоянно говорит об одном и том же, ведь ему необходимо каждый раз заново провести эту границу, чтобы хотя бы полупонамером обозначить то, что он хочет высказать (и что высказать до конца никак не удастся). Если сказать по-другому, Шестов предельно мыслит разум и мораль, понимая их, конечно, по-своему, но каждый раз схватывая в полноте, как целостный образ мира. «Отталкиваясь» от этого образа, мысль Шестова задает перспективу иного образа мира, который мы и обозначили как веру или сверхморальную перспективу<sup>28</sup>.

Во-вторых, вера не является раз и навсегда достигнутым состоянием или же неким убеждением, с высоты которого Шестов смотрит на мораль. Вера может быть понята как парадоксальный, т. е. независимый от моих усилий и при этом все-таки мой личный поступок, о чем говорит, например, выражение «движение веры», принадлежащее близкому Шестову мыслителю Серену Кьеркегору. Это движение нужно (ведь человек грешен, т. е. разумен) совершать постоянно, снова и снова: труды Шестова похожи на такое, пусть и растянутое во времени, начинание веры каждый раз заново (каждым новым произведением)<sup>29</sup>.

Шестов, как и Ницше, казалось бы, отказывается от морали, критикует определенным образом понятую мораль, но, одновременно, задает некое совершенное состояние, мир торжества человеческой правды и добра. Так, например, Шестов пишет, что если законы и идеи, создающие порядок объективной действительности являются случайными, т. е. не раз и навсегда данными, и можно помыслить и другие законы и идеи мироустройства, тогда есть надежда, что «может, такой выявится порядок, при котором мудрость и добродетель окажутся сильнее костра и цикуты, и сила этого порядка распространится не только на будущее, но и на прошлое, так что выйдет, что Джиордано Бруно сжег костер, что Сократ восторжествовал над Мелитом и Анитом и т. д.»<sup>30</sup>. Такого рода утверждения Шестова говорят о «моральном» пафосе его мышления, о том, что критика морали и разума в большой мере морально обусловлена: мо-

<sup>28</sup> Другой вопрос, отдавал ли сам Шестов себе в этом отчет. В связи с этим самоотчетом встает проблема мышления, которое находится в промежутке, как будто «между» разумом и верой. Должен быть как бы отстраненный от всего ум, который мыслит о двух измерениях: разъединяет-связывает этическое, разум и веру, осмысливает одно через другое, являясь при этом неким третьим по отношению к ним. Может, это и есть то бесосновное мышление, собственно философия, которую Шестов не заметил в борьбе с метафизикой и этикой?

<sup>29</sup> «Наконец, что же такое “вера” Шестова? По-моему и здесь Шестов не столько озабочен каким-то определенным *вероисповеданием*, сколько самим началом, возможным *начинанием* веры как бы из ничего, из бездны» (Ахутин А.В. Тяжба о бытии. С. 282).

<sup>30</sup> Шестов Л. Дерзновения и покорности. С. 157.

тивы всечеловеческого сострадания, освобождения людей от различных видов рабства пронизывают творчество Шестова (и, как видно, нравственный миропорядок ставится им выше природного).

Напомним, что второй признак философской этики состоит в том, что мораль рассматривается в ней как выражение субъектности индивида по отношению к миру. Обращение к пониманию Шестовым человека позволяет раскрыть движение мысли именно в этом направлении.

Ставя всем своим творчеством вопрос, как соотносятся мораль, разум с одной стороны и вера с другой, Лев Шестов осмысливает тем самым внутренний раскол человека. Как жить такому расколотому, не цельному, несчастному существу? Ответы, которые Шестов находит в этических учениях философов, не могут удовлетворить его. Философия, которая берет начало из удивления и смиряется с действительностью, не является экзистенциальной философией, т. е. не может стать способом мысли и жизни человека отчаявшегося, вырванного трагедией из пространства обыденного существования. Трагическому положению человека в мире отвечает только абсурд веры.

Для подлинно верующего человека переворачивается отношение его и мира. Теперь в этом совершенном состоянии человек решает судьбу мира, повелевает над разумом и мировой необходимостью. Кто же это? Что это за субъект, который как бы отделен от своего разума и властвует над ним?

Человек для Шестова это дерзкое, страдающее, своевольное Я, «частный мыслитель», который противопоставляет себя миру. Полнее выразить свое понимание человека Шестову помогают образы художественной литературы и Библии. Рассмотрим наиболее важных для Шестова персонажей.

Герой «Записок из подполья»<sup>31</sup> Достоевского один из таких центральных персонажей мысли Шестова. Подпольный человек, который неразумно ведет себя, постоянно противоречит себе, любит страдания и самоистязания – это художественное воплощение человеческого Я, своевольного и дерзкого, ставящего свои маленькие проблемы и желания выше общества и природы. Любая традиционная мораль, в том числе этические учения философов, в той или иной степени на ней основанные, является способом ограничить, подавить дерзновение человека, приводит Я к покорности<sup>32</sup>, и даже «уничтожает» его, «расплющивает» в смиренном принятии необходимости происходящего. Борьба Шестова имеет целью «отстоять наши Я от притязания нематериальных и вечных истин»<sup>33</sup>, в том числе от репрессии морального закона. Для этой борьбы потребны безумие одиночества, беспочвенности, великого страдания.

Более яркий пример страдающего Я, не желающего растворяться во «всеобщем и необходимом», это библейский Иов. Настоящее, с разумной точки зрения ничем необъяснимое страдание, которое «перевесит и весь песок морской», обрушилось на Иова. Дерзновение Иова рождается на пепелище, когда все самое дорогое – семья, здоровье, почет и богатство отнято неумолимой

<sup>31</sup> Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Lib.ru: «Классика». URL: [http://az.lib.ru/d/dostoewskij\\_f\\_m/text\\_0290.shtml](http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0290.shtml) (дата обращения: 20.04.2015).

<sup>32</sup> «Ведь всякая мораль – древняя ли Эпиктета и М. Аврелия, новая ли Канта и Гегеля – черпает всю силу свою в ненависти к человеческому Я» (Шестов Л. Гефсиманская ночь (Философия Паскаля) // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 302).

<sup>33</sup> Там же. С. 306.

судьбой. Именно когда смирение и принятие случившегося было бы единственно разумным шагом, т. к. изменить произошедшее не во власти слабого человека, великие страдальцы и бунтари, такие как Иов, могут устоять и не предать свое горе, т. е. не принимать его как должное или непреодолимое, а страдать и стенать, взывая к Богу.

Если подпольный человек стоит еще на «подходе» к вере, не дотягивая до нее, а Иов – это, в первую очередь, образ непокорного судьбе человека, посмевшего оспаривать самого Бога, то Авраам – настоящий рыцарь веры, непосредственно общающийся с Богом и всецело полагающийся на его всемогущество. Авраам, решаясь на жертвенное убийство сына, выходит за границы разума и «этического»<sup>34</sup>, его вера никак не может быть оправдана. Он, ведя сына на заклание, верит Богу, являясь в глазах людей преступником и безумцем. Ведь его вера не только не имеет доказательств, но и по-настоящему «слепа» (слепа с точки зрения обоснованного разума): о Боге Аврааму ничего неизвестно, он только безоглядно верит, что «для Бога нет ничего невозможного». Спрашивается, почему такой Бог будет помогать человеку, возвращать ему сына, бывшее делать не бывшим?

В связи с этим затруднением кажется убедительной позиция историка русской философии И.И. Евлампиева: «Сохранить убеждение, что “Бог есть произвол”, и тем не менее быть уверенным, что Бог непременно возвратит Аврааму сына, можно, только если принять, что в тот момент, когда Авраам совершил “движение веры”, он оказался в преображенном состоянии; и уже нет отдельного Авраама и отдельного Бога, Бог и Авраам стали одним, Авраам – это и есть Бог, Бог – это и есть Авраам. И тогда для Авраама становится “все возможно”, его воля тождественна произволу, он сам выбирает из океана возможностей, из царства Абсурда ту возможность, которая отвечает его упованиям»<sup>35</sup>.

Такая интерпретация выглядит логичной: сам Шестов не устает повторять, что для верующего, как и для Бога, «нет ничего невозможного». Но эта точка зрения вызывает сомнение именно потому, что является, по-видимому, единственно возможной, чтобы спасти представления Шестова от противоречивости. Можно ли полагать, что Шестов, апологет живого, «темного» для мысли Бога заботился о непротиворечивости своих суждений о вере и Боге<sup>36</sup>?

На примере этих образов мы видим, что субъект в философии Шестова – единичный, частный индивид. Можно ли считать его моральным субъектом? Очевидно, что Шестов понимает мораль в противоположном ключе: как выражение объективации субъекта, утраты самости. Но, несмотря на это или благодаря этому, его философией задается сама идея морального субъекта: это человек веры, равный Богу, который берет на себя ответственность за мир и,

<sup>34</sup> Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. С. 663.

<sup>35</sup> Евлампиев И.И. Абсолют как царство Абсурда: Л. Шестов // Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX вв. Русская философия в поисках Абсолюта. СПб., 2000. С. 291.

<sup>36</sup> Справедливости ради нужно сказать, что Евлампиев отмечает далее в своей работе, что такое понимание отношения Бога и человека «имеет явные подтверждения в работах Шестова, однако было бы неправильно считать его единственным и тем более главным» (Евлампиев И.И. Абсолют как царство Абсурда: Л. Шестов. С. 293).

как творец, полагает его своим произведением: например, по вере своей бывшее делает никогда не бывшим. Такой субъект есть начало любого поступка, он реализует в мире свою «свободу к добру».

Свобода единичного человека поступать в философии Шестова выглядит парадоксально: говоря языком Бахтина, Шестов полностью отрицает в принятии решения о поступке сферу специальной, рациональной ответственности за поступок, опору на жизненный опыт, знание и расчет. Критика морали, понимаемой Шестовым как норма, моральный закон, обуславливает понимание им свободного поступка в антинормативистском ключе – как выражения внутренней решимости на него, необъяснимой в терминах внешней детерминации. Как отмечает Ахутин, в философских взглядах Шестова, сформировавшихся под большим влиянием великой русской литературы девятнадцатого века, нам явлен пример художественного постижения «экстатически-личностного характера нравственного решения, превышающего всякую нормативную этику»<sup>37</sup>.

Является ли вера поступком единичного индивида? Представления Шестова о всемогущем Боге и несвободе человека в деле спасения своей души делают это предположение сомнительным. Ясно, что вера не является одним из действий в мире, она, как уже было сказано, новое измерение мышления, второе зрение. По существу, вера находится за пределом разумного понимания, однако размышления о ней на страницах произведений Шестова дают нам право на попытку такого понимания, путь даже заведомо неполного. Так, вера – это «движение» с двух сторон, т. е. не только благодать Бога<sup>38</sup>. Она предполагает «взывание» человека, дошедшего до последней глубины отчаяния, когда уже не на что опереться, когда сомнения и страх терзают его, а разум говорит «невозможно». Из этой бездны отчаяния, богооставленности и может родиться зов, обращенный к Богу. Исходя из этого, представляется возможным вести речь о вере как о поступке единичного человека, понимая здесь поступок в широком смысле, а именно как обращение всего существа человека – конверсию, что, на языке Шестова, будет означать прорыв в новое измерение мысли: «мы убеждены, что “взывание” только портит и извращает человеческую мысль – Иов, Авраам и псалмопевец, по-нашему, дурно мыслят. Но для экзистенциальной философии величайший порок нашего мышления в том, что оно потеряло способность “взывать” – ибо, таким образом, оно утратило то свое измерение, которое одно только и может привести его к истине»<sup>39</sup>.

Шестов, безусловно, мыслитель, полагающий подлинного человека асоциальным существом. Общество для него не есть место, где вера может найти себя. Вера может «случиться» только в единичном человеке, она есть дело его

<sup>37</sup> Ахутин А. В. Одиноким мыслитель // Шестов Л. Соч. в 2 т. Т. 1. С. 5.

<sup>38</sup> О том, что это «движение» двустороннее свидетельствует также следующее высказывание Шестова: «В “пределах разума” поэтому можно создать науку, высокую мораль, даже религию, но чтобы обрести Бога, нужно вырваться из чар разума с его физическими и моральными принуждениями и пойти к иному источнику. В Писании он называется загадочным словом, “верой”, тем измерением мышления, при котором истина радостно и безболезненно отдаётся в вечное и бесконтрольное распоряжение Творца: да будет воля Твоя. Воля Того, Кто в свой черёд безбоязненно и властно возвращает верующему утраченную им силу: “всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите”» (Шестов Л. Афины и Иерусалим. С. 333–334).

<sup>39</sup> Шестов Л. Кирегард и экзистенциальная философия. С. 672.

личных отношений со своим Богом, а не с другими людьми или церковью. Характерно, что Другой «отсутствует» в философии Шестова как значимая фигура, на которую нужно ориентироваться в поступках. Конкретный, единичный человек – это абсолютное начало поступка по образу и подобию Бога. Отрицание Другого, ориентации в поступках, в мысли на Другого прослеживается во все периоды философии Шестова. Даже Бога можно понять (как показано выше) не как Другого, а как мое самое сокровенное, творческое «Я».

Представление о невозможности передачи личной истины другим людям, в том числе нравственной истины, делает для Шестова ненужной нормативную программу поведения. Более того, он считает, что любое этическое, нормативное учение, в той мере, в какой оно принимает форму всеобщности, теряет самое главное – личностный характер своих положений, и тем самым искажает изначально невыразимую нравственную правду отдельного человека.

Итак, этический разум и вера, разделенные пропастью, будто две вселенные, представляют собой два разных уровня единой структуры мысли Льва Шестова: понимание одного из них предполагает необходимость видения другого, осмысленное отношения к нему. Обращая внимание на мораль, развивая ее внутреннюю логику или отказываясь от нее, философская этика с необходимостью задает сверхморальную перспективу, присутствующую, как мы показали, не только в философии Шестова, но и у таких философов, как Аристотель и Ницше. Мораль как выражение ответственности человека за себя и мир, как полагание мира своим, т. е. как субъектность, не признается Шестовым. Но, как мы показали, второе измерение мышления или вера, т. е. сверхморальная перспектива философии Шестова заключает в себе саму идею морального субъекта. Наличие этих двух факторов: сверхморальной перспективы и идеи морального субъекта позволяет говорить об идеях Льва Шестова как о философской этике.

### Список литературы

- Аристотель. Этика // Аристотель / Пер. Н.В Брагинской, Т.А. Миллер. М.: АСТ: Астрель, 2011. 492 с.*
- Ахутин А.В. Одинокий мыслитель // Шестов Л. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 3–17.*
- Ахутин А.В. О втором измерении мышления. Лев Шестов и философия // Ахутин А.В. Тяжба о бытии. М., 1996. С. 272–284.*
- Бердяев Н.А. Лев Шестов и Киркегор // VEH1.NET. URL: [http://www.vehi.net/berdy-aev/shestov2.html#\\_ftn1](http://www.vehi.net/berdy-aev/shestov2.html#_ftn1)*
- Гусейнов А.А. Философия как этический проект // Вопр. философии. 2014. № 5. С. 16–27.*
- Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Lib.ru: «Классика». URL: [http://az.lib.ru/d/dostoewskij\\_f\\_m/text\\_0290.shtml](http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0290.shtml)*
- Евлатмиев И.И. Абсолют как царство Абсурда: Л. Шестов // Евлатмиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX вв. Русская философия в поисках Абсолюта. СПб., 2000. С. 259–297.*
- История этических учений / Под общ. ред. А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2003. 911 с.*
- Назаров В.Н. История русской этики. М.: Гардарики, 2006. С. 146–148.*
- Шестов Л. Афины и Иерусалим // Шестов Л. Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 313–665.*
- Шестов Л. В фаларийском быке (Знание и свобода воли) // Шестов Л. Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 411–513.*

*Шестов Л.* Гефсиманская ночь (Философия Паскаля) // *Шестов Л.* Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 278–325.

*Шестов Л.* Дерзновения и покорности // *Шестов Л.* Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 151–253.

*Шестов Л.* Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше (философия и проповедь) // *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности. М., 2000. С. 207–308.

*Шестов Л.* Киргегард и экзистенциальная философия // *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности. М., 2000. С. 621–809.

*Шестов Л.* Неистовые речи (об экстазах Плотина) // *Шестов Л.* Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 325–365.

*Шестов Л.* О втором измерении мышления (Борьба и умозрение) // *Шестов Л.* Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 608–665.

*Шестов Л.* Преодоление самоочевидностей (К столетию рождения Ф.М. Достоевского) // *Шестов Л.* Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 25–98.

*Шестов Л.* Примечания и комментарии // *Шестов Л.* Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 404–557.

*Шестов Л.* Что такое истина? (об этике и онтологии) // *Шестов Л.* Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 365–405.

## Lev Shestov's Creativity as Philosophical Ethics

*Aleksey Babanov*

Graduate student. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: babanovaleksey@gmail.com

The article attempts to interpret Lev Shestov's ideas as philosophical ethics. The purpose of the article is to show that the theoretical core of the Shestov's philosophy is the super-moral perspective and the idea of a moral subject. Starting from the definition of philosophical ethics given by A. Guseinov, the author distinguishes the two-level structure of the ethical and philosophical thought of Lev Shestov. This two-level structure represents distinction between faith, that is super-moral perspective, and moral reason. The super-moral perspective of morality and the very morality cannot be perceived beyond this distinction. The author analyses the substance of morality subjected to the Shestov's critical attacks. For Shestov, morality serves as a correlate of the constraining reason incarnated in regulations and laws. This constraint of morality and reason can be surmounted by faith – which is the second dimension of thought and the sphere of freedom. The analyzed key issues of Shestov's philosophy are the substitution of God by Good and its comprehension by a human being. Within the first theme, morality is interpreted and rejected as an idol preoccupying the living God's place in human consciousness. Shestov's conception of a human being is comprehended through such characters as the underground man, Job and Abraham. These dramatic figures of Shestov's philosophy incarnate non-rational inner substance of human Ego that rejects its reason by moral faith. Faith or super-moral perspective of Shestov's philosophy contains the idea of a moral subject: believer becomes like God, takes the world as his own and has the power to abrogate erstwhile Evil. The article envisages faith perceived as a paradoxical “ecstatic and personalized” action that is in equal measure personal and at the same time surpassing any personal efforts. Thus, existence of the super-moral perspective and the idea of a moral subject in Shestov's philosophy allows us to attribute his work to philosophical ethics.

**Keywords:** philosophy, morality, super-moral perspective, two-level structure, moral subject, philosophical ethics, reason, faith, God.

## References

- Akhutin, A. “Odnokii myslitel’” [Lonely Thinker], in: L. Shestov, *Sobranie sochinenii*, 2 t. [Collected works, 2 vols.], vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1993. pp. 3–17. (In Russian)
- Akhutin, A. “O vtorom izmerenii myshleniya. Lev Shestov i filosofiya” [About the Second Measurement of Thinking. Lev Shestov and Philosophy], in: A. Akhutin, *Tyazhba o bytii* [Trial about life]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ., 1996. pp. 272–284. (In Russian)
- Aristotel’. *Etika* [Ethics], trans. by N.V. Braginskaja T.A. Miller; Moscow: AST: Astrel’ Publ., 2011. 492 pp. (In Russian)
- Berdyayev, N. “Lev Shestov i Kirkegor” [Lev Shestov and Kierkegaard], VEHI.NET. [[http://www.vehi.net/berdyayev/shestov2.html#\\_ftn1](http://www.vehi.net/berdyayev/shestov2.html#_ftn1), accessed on 20.04.2015]. (In Russian)
- Dostoevskii, F. *Zapiski iz podpol’ya* [Notes from Underground], Lib.ru: “Klassika”. URL: [[http://az.lib.ru/d/dostoevskij\\_f\\_m/text\\_0290.shtml](http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0290.shtml), accessed on 20.04.2015]. (In Russian)
- Evlampiev, I. “Absolyut kak tsarstvo Absurda: Lev Shestov” [Absolute as Absurdity Kingdom: Leo Shestov], in: Evlampiev, I. *Istoriya russkoi metafiziki v XIX–XX vv. Russkaya filosofiya v poiskakh Absolyuta* [History of the Russian Metaphysics in the XIX–XX centuries. Russian Philosophy in the Search of the Absolute]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2000. pp. 259–297. (In Russian)
- Guseinov, A. “Filosofiya kak eticheskii proekt” [Philosophy as an Ethical Project], *Voprosy filosofii*, 2014, no 5, pp. 16–27. (In Russian)
- Istoriya eticheskikh uchenii* [History of Ethical Teachings], ed. by A. Guseinov. Moscow: Gardariki Publ., 2003. 911 pp. (In Russian)
- Nazarov, V. *Istoriya russkoi etiki* [History of the Russian Ethics], Moscow: Gardariki Publ., 2006. pp. 146–148. (In Russian)
- Shestov, L. “Afiny i Ierusalim” [Athens and Jerusalem], in: L. Shestov, *Sobranie sochinenii*, 2 t. [Collected works, 2 vols.], vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1993. pp. 313–665. (In Russian)
- Shestov, L. “Derznoveniya i pokornosti” [Impudence and Humility], in: L. Shestov, *Sobranie sochinenii*, 2 t. [Collected works, 2 vols.], vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1993. pp. 151–253. (In Russian)
- Shestov, L. “Dobro v uchenii gr. Tolstogo i F. Nitshe (filosofiya i propoved’)” [Good in the Teaching of Count Tolstoy and F. Nietzsche (Philosophy and the Sermon)], in: L. Shestov, *Apofoez bespochvennosti* [Apotheosis of Groundlessness]. Moscow: AST Publ., 2000. pp. 207–308. (In Russian)
- Shestov, L. “Gefsimanskaya noch’ (Filosofiya Paskalya)” [The Gethsemane Night (Pascal’s Philosophy)], in: L. Shestov, *Sobranie sochinenii*, 2 t. [Collected works, 2 vols.], vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1993. pp. 278–325. (In Russian)
- Shestov, L. “Kirkegard i ekzistentsial’naya filosofiya” [Kierkegaard and Existential Philosophy], in: L. Shestov, *Apofoez bespochvennosti* [Shestov L. Apotheosis of Groundlessness]. Moscow: AST Publ., 2000. pp. 621–809. (In Russian)
- Shestov, L. “Neistovyye rechi (ob ekstazakh Plotina)” [Frontic Speeches (About Plotinus’s Ecstasies)], in: L. Shestov, *Sobranie sochinenii*, 2 t. [Collected works, 2 vols.], vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1993. pp. 325–365. (In Russian)
- Shestov, L. “O vtorom izmerenii myshleniya” (Bor’ba i umozrenie) [About the Second Measurement of Thinking (Fight and Speculation)], in: L. Shestov, *Sobranie sochinenii*, 2 t. [Collected works, 2 vols.], vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1993. pp. 608–665. (In Russian)
- Shestov, L. “V falariiskom byke (Znanie i svoboda voli)” [In the Brazen Bull (Knowledge and Free Will)], in: L. Shestov, *Sobranie sochinenii*, 2 t. [Collected works, 2 vols.], vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1993. pp. 411–513. (In Russian)

Shestov, L. Chto takoe istina? (ob etike i ontologii) [What Is the Truth? (about Ethics and Ontology)], in: L. Shestov, *Sobranie sochinenii*, 2 t. [Collected works, 2 vols.], vol. Moscow: Nauka Publ., 1993. pp. 365–405. (In Russian).

Shestov, L. Preodolenie samochevidnosti (K stoletiyu rozhdeniya F.M. Dostoevskogo) [Overcoming of axiomatic things (To the hundredbirthday of F.M. Dostoyevsky)], in: L. Shestov, *Sobranie sochinenii*, 2 t. [Collected works, 2 vols.], vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1993. pp. 25–98. (In Russian)

Shestov, L. Primechaniya i komentarii [Notes and Comments], in: L. Shestov, *Sobranie sochinenii*, 2 t. [Collected works, 2 vols.], vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1993. pp. 404–557. (In Russian)